

Прошло какое-то время после Чемпионата Балтии, сейчас есть время, чтобы «остановиться, оглянуться»(с) и вернуться к тем стихотворениям и к тем подборкам, которые показались важными для меня. Очень надеюсь, что они окажутся важными и для читателей, и мы перечитаем эти стихотворения вместе...

Первая подборка

[КУЗЬМИНА Вера, Каменск-Уральский \(Россия\).](#)

["О яблоках, войне, любви и боли".](#)

Отставим в сторону конкурсную судьбу этих трех стихотворений – для меня гораздо более интересны стихи, чем игровая составляющая конкурса. Впрочем, эта самая «игровая составляющая», по моему мнению, служит как раз для того, чтобы дать больше времени читателям и больше внимания стихотворениям.

Яблочное

А все стихи на свете - о любви... В занозах, поцелуях и разломах.

О том, как ты идешь среди живых, стреляешь, совершая новый промах,

В тебя стреляют - чертова напасть, чтоб уложить вповалку на постели...

Но очень трудно в яблочко попасть.

Любовь слепа.

Слепым не видно цели.

А все стихи на свете - о войне... Про veni, vidi, vici, девять граммов.

И яблоки по-прежнему в цене - вас много, победителей-Адамов,

Доставших до эдемских облаков (и многие достали, между прочим...)

Познание - оно и есть любовь.

И хорошо, когда без червоточин.

А все стихи на свете - о вине...О винном аромате райских яблок,

О том, что виноваты не вполне, безжалостно разбив о быт кораблик,

О чертовой виновнице-судьбе: мы ни при чем, не в деле и не в доле...

А все стихи на свете - о тебе.

О яблоках.

Войне.

Любви.

И боли.

Удивительное, магическое, слышимое стихотворение. Кажется, только ленивый поэт(поэтесса) не писали «яблочных» стихов – и все уже сказано, описано: от истории Евы-прародительницы, к Елене и дальше... Есть, наверное, что-то колдовское в яблоках – ведь не даром, не даром... И здесь, в этом стихотворении, есть волшебство, замешанное на пьянящем аромате цветущих яблонь и коварном вкусе яблочного вина. И вот уже – все становится размытым, двойственным – «в занозах, поцелуях и разломах». А чтобы почувствовать боль от занозы, нужно прикоснуться, взять в руки(или – обнять, чтобы заноза – прямо в сердце?) . Или, быть может, эти занозы оттого, что возлюбленный – бесчувственный чурбан, выдуманный Буратино?. А разлом – это не только трещина, разрыв, это еще и очаровательный намек на поделенное(пополам ли?) яблоко искушительницы-Евы...

«О том, как ты идешь среди живых, стреляешь, совершая новый промах»

И как без промахов? Только слепец-Амур, который и есть любовь, промахов не совершает. Или – совершает? Или – не бывает промахов, и все предначертано?

«... чтоб уложить вповалку на постели» Воистину, не только болезнь, не только ранение, не только смерть может уложить на постель. Или страсть - болезнь, ранение, гибель?

«Любовь слепа.

Слепым не видно цели»

Задумайтесь – а есть ли цель у любви? «Был бы милый рядом» - это не цель, не движение, это - «остановись, мгновенье». Это - высшая точка, после которой только вниз, на землю, в умиротворение и забытие, и все, к чему стремились, кажется крошечным, незначимым, чужим... Только страдание – путь; любовь - конечная точка маршрута...

«А все стихи на свете - о войне...» Как там, у классика? *«...все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья...»* (с)

Видимо, не зря вспомнилась Прекрасная Елена – воевать за неё оказалось большим наслаждением, чем обладать ею... Ведь и девять граммов, на которые ссылается Вера, смешали смерть и любовь.

Amore – мої , кровь -любовь... А яблочный рай – «погибшим от невиданной любви...»? (с)

«Познание - оно и есть любовь.

И хорошо, когда без червоточин.»

Не это ли познание, не эту ли истину искал в вине Блок? А вот – «без червоточин»... Так не бывает... Бывает у кастрированных, генетически неправильных яблок – их даже коварные червяки, будущие бабочки, не трогают...

«А все стихи на свете - о вине...О винном аромате райских яблок»

Падалица яблок райского дерева – из неё, вероятно, ангелы делают вино и подают на стол Вседержателю... И это логично – опустевший райский сад не может быть

беспольным – плодоносящее без цели мертво, для всего предначертана судьба и польза...

«О том, что виноваты не вполне, безжалостно разбив о быт кораблик» - спорная истина, что поэтам уготован рай, здесь отчасти подтверждается – и Владимир Владимирович, вместе с другими, погибшими от любви поэтами, зримо присутствует в этом стихотворении... А что «
не вполне виноваты

» – так, Сущий не мог не знать, что может быть нарушен его запрет, что та часть души, нет, Духа, которого он вдохнул в Адама, не устоит перед соблазном попробовать на вкус Истину, еще зеленую, недозревшую, ещё не превращенную в пьянящее взрослое вино, и вот – плод набил оскомину...

«О чертовой виновнице-судьбе: мы ни при чем, не в деле и не в доле...» Очень спорно, очень по-женски, так, должно быть, оправдывалась Ева, пряча за спиной огрызок пресловутого яблока. Но недаром автор – поэтесса, ей, как женщине, не в чем оправдываться и не о чем сожалеть. тем более:

«А все стихи на свете - о тебе.

О яблоках.

Войне.

Любви.

И боли»

И тот, о ком все это, тот, кто несет с собой боль, войну, любовь – он не делится на части, все – в нем и все - он. Он – и яблоки...

Бате

Перекину в прошлое тонкий мостик, чтобы думать, сравнивать, каменеть.

Настоящий батя три раза в гости заявлялся к мамке. Да нет - ко мне.

Много было их, проходящих батек, дурачков безусых, уже в летах.

Не хотела на руки: было, хватит. Научили, блин - довелось летать.

Настоящий вешал пальто на гвоздик, нашу кошку-дуру трепал за хвост,

А меня подбрасывал прямо в гроздь золотых, рубиновых, рыжих звезд.

На лице у бати рубцы, рябины, сам большой, здоровый - аж гнется пол.

Папка, можно, в небе нарву рябины, ярко-желтых слив наберу в подол?

Папка, папка, глянь, пастушонок Зяма по дорожке лунной ведет телят!

Папка смотрит весело, ходит прямо. Говорит: дочурка, не смей петлять.

Папка, правда, в небе не лезят буки - ну такие, в бурой ночной шерсти?

А хмельной отец опускает руки.

Отпускает.

Выпустил.

Упустил.

В жизни будет все: и гроши, и штуки. Жди большую рыбу, лови тунцов -

Но всегда отцы разжимают руки, и всегда в любимых - черты отцов.

Не петляю. Проще, честней - без лонжи в горизонт рябиновый, наливной.

Помню, бать - никто никому не должен.

- Снова пензию посеял, сивый мерин, гладкий гусь!

- Я люблю тебя, Расея, да-ра-гая наша Русь!

- Весь пинжак-то взади в пятнах, где валялся-то, стерво?

- Ты веками непонятна!

Бабка тащит самого.

Деду восемьдесят с гаком, не уралец, из минчан.

Колыму прошел - не плакал, целину пахал - молчал.

Горб, надсада и мозоли - что колхозник, что зэка...

Профиль Сталина кололи возле левого соска,

Сыновей ушедших ждали - не служившим стыд и срам,

И смеялись над вождями, и скорбели по вождям.

- Горе луковое, Сеня! Навалися на плечо.

Все Расея да Расея, хоть бы пел другое чо.

Мят да кручен, бит да ломан - ни к чему такая жись.

Слава Богу, вроде дома, на завалинку садись.

Завтра стопку не проси-ко, не подам, палена мышь.

Вишь, заря-то как брусника...Что ты, Сенюшка, молчишь?

Вишь, ворота как осели у соседа в гараже...

Спит на лавочке Расея, уходящая уже.

И это – настоящее, не лубочно-деревенское, стихотворение написанное не фальшивым «деревенским» языком, а тем, настоящим, которым говорила и говорит глубинка. «Глубинка» - глубина, не мелководье, русло, основа, то, что несет жизнь... «Колыму прошел - не плакал, целину пахал – молчал» - в одной строчке – жизнь не человека, поколения, отцы наши и деды... «И смеялись над вождями, и скорбели по вождям»... Да, «ты веками непонятна», да, уходит то, что раньше казалось основой, столпом,

сущностью российской. Маленькая деталь – «не уралец, из минчан», на самом деле очень важна: человек городской, не житель центральной полосы, он – «Расея», часть её, как были мы все частью великой державы. Мы были частью Державы. Где она? Не четвертый Рим, Вавилон...

Три стихотворения. Боль сегодняшняя, боль вчерашняя, боль за Родину... Какой же силой надо обладать, чтобы – высказать, выговорить всю эту боль, и жить и писать дальше? И при этом – стихи светлые, живые, настоящие...Мне будут интересны новые встречи с Верой Кузьминой, и я буду очень ждать её новые стихи. Такие сильные и очень женские. Наверное, потому и сильные – что женские...

*

Теперь – вторая конкурсная подборка

[ЛЕРНЕР Татьяна, Риммоним \(Израиль\). "Мы ладошки разучиваем с дочкой".](#)

Тали, надо признаться, одна из любимых моих поэтов. Стихи её я всегда читаю с удовольствием, не все мне нравится, но в лучших своих стихотворениях она достигает таких высот осязаемости, живости, что невольно продолжаешь одно стихотворение другим, как многостраничный роман. И «рыжая вруша», и дочка Раи, и героиня сегодняшних стихотворений – для меня одно лицо, подозрительно напоминающее саму Тали.

Всемогущие

Пока мы ходили по лугу, по кругу,

пока мы сшибали репейников пену,

Пока мы с собакой мешали друг другу

ловить плодоядку и нюхать вербену,

Пока мы коляску в тенёчке качали,

пока ворожили на завтра прохладу,

Пока собирали шелковицу к чаю,

нашли тайный лаз и чинили ограду,

Пока мы варили овсяную кашу

на масле, кормили дитя и собаку,

Пока обсуждали с соседями кражу

их новенькой Хонды, погоню и драку,

Пока мы событиям мерили цену,

пока временам городили границы,

нас медленный бог уводил с авансцены.

На ней оставались орудия птицы:

из гнёздышка горлицы выпал птенец.

Он маленький, тёплый. Но мертвый.

Конец.

Знаете, все эти многочисленные милые бытовые впечатления прошедшего дня, где-то суетливого, где-то неспешного, наверное, и есть жизнь. В жизни, конечно, есть место

подвигу, только вот подвиг каждый день – это у героя, это у Мюнхгаузена... А в жизни все проще и статичней: день за днем, даже и не вспомнить, чем «вчера» отличался от дня позавчерашнего. И все при этом важно, и каждый день – счастье. Маленький, наполненный солнцем и зноем мир... Вот только этот мир не единственный, для кого-то он далекий и не главный. Птицы, оружие над упавшим, погибшим птенцом – для них сегодняшний день трагичен. Но при этом мир горлицы, потерявшей птенца – это тоже наш мир, он часть его, и мы – часть мира птицы... Какой он маленький, тесный, взаимопроникающий! И какой ужасно короткий... И только медленный бог переводит взгляд от детской коляски, пса и героини к опустевшему гнезду, и наши проблемы, беды и радости уходят на второй план. Для кого он создан, этот мир? Кто в этом мире – всемогущие?

Как хорошо быть маленьким и верить в существование тех, кому все подвластно...

Ладушки

Над нашей грушей кружатся шмели,

огромные, почти с твою ладошку.

Промчались громкой стаей кобели

за сучкой или заблукавшей кошкой.

Декабрь – а по-весеннему тепло.

И, кажется, природа обманулась,

прибавив солнца. Слышит всё село

переживанья двух соседских куриц:

«Гляди, снеслась!» «И я, гляди, гляди!»

(конечно, на иврите). Перегрета

земля, но долгожданные дожди

висят за головами минаретов

на ближней горке. Груша зацветёт

вот-вот. Не как обычно, к ту-би-швату.

А где-то там справляют Новый Год

весёлые и пьяные ребята,

лопатами отбрасывая снег

с дорожек. День короткий иссякает,

шипит на сковородке чебурек,

в стаканах – по сто пятьдесят токая,

поскольку водка кончилась, а нрав

велит залить пылающую нежность

ко всем рожденным от чужих шалав.

Но – семьи, праздник, быт и неизбежность

зовут лопатить. Боже, сохрани

отважных этих, ветреных и вьюжных.

Не знают сами, что творят они.

От груши тень – неровная окружность –

их не включает. Их не помнит шмель,

о них не плачет дождь, не шепчет строчка.

Здесь полдень сладок, словно карамель.

Мы ладушки разучиваем с дочкой.

И вот, второе стихотворение Тали, «**Ладушки**». Своим началом продолжает рисовать пейзажи первого стихотворения, чуть деревенские, еще более – растворенные в солнце, расплавленные и тянущиеся, как карамель. И чтобы не возникло соблазна перенести этот пейзаж в другое время года и в другие широты, легкий, но значимый штрих - квохчущие на иврите куры. А что? Говорят, и собаки в Китае брешут по-китайски...Весна в благословенной земле пришла под Новый год – ей и невдомек, что

где-то метель и веселые и пьяные ребята готовятся к празднику, разгребая, «лопата», дорожки в снегу...И кто-то, из этих веселых и отважных мужчин, зальет не водкой – токаем, «пылающую нежность» к девочке, рожденной в далекой земле. Расскажет ли ей когда-нибудь мама, о нем, не вошедшем в круг от тени старой груши(круг родных, близких?), о нем, которого не помнит шмель, и солнце, и полдень? Пока что – нет, пока что надо научиться играть в «Ладушки», пока что о нем – не слезинкой, не строчкой...

Все ли подвластно всемогущим? Все ли могут взрослые? Или, оглядываясь на похотливого кобеля, на снесшую яйцо квочку, заблукавшую кошку, будут видеть себя; вспоминать выпавшего птенца и защищать, охранять, оберегать свое дитя? Только вот как и чем?...

Две колдуньи

Пришла тётя кошка.

Устала немножко,

а, может и множе,

до боли до дрожи.

И ножки, и хвостик.

Зелёные глазки

пронизаны злостью

как сталью дамасской.

А когти и зубки –

рубцы и зарубки

оставили плакать

на спинах и плахах.

Вот так – не спроста ли

устали, устали?

Но – к чёрту детали. Ведь на одеяле,

под шёпот лаванды, в прохладе веранды

сидит моя крошка. Опущены крылья.

«И где ж, тётя кошка, вы были, вы были?»

А я тут не плачу, тоскую, колдую,

пророчу удачу и сказки трактую,

поела кефира, влюбила полмира,

и жду со всей силы. Ну где ж вас носило?!»

Ах, ангел мой рыжий. Моих пятикнижий зачем тебе тяжесть? Юля и куражась,

боясь тишины, опасаясь закона, зайдя со спины, я вцепилась в дракона

последним полётом не кошки, но львицы. И выдрала всё, до последней страницы.

До буквы до крика, смотри-ка: улика – обломаны когти. И лапы по локти

испачканы сажей погибели вражьей. Теперь я спокойна: окончены войны,

и можно ночами не звякать ключами, не плакать о мщенье, не ждать возвращенья.

На нашу веранду понюхать лаванду

и с ложечки скушать лавандовый мёд

никто не придёт.

Так, как в стихотворении «**Две колдуньи**» - вырвать из сердца все, до последней страницы, до буквы, до крика – вырвать и забыть, чтобы не ждать, не надеяться, чтобы не вспоминать его, веселого и ветреного, того, с кем можно было вместе колдовать, есть лавандовый мед и вспоминать? Ах, рыжий ангел, как далеко та болтливая вруша, которая беззаботно ела груши с хохломского блюда! Не кошка, но львица... Защитить детеныша – от того, кто был близок, кто есть близок, как не заканчивай войны... Защитить от всего мира, чтобы потом отдать этот мир – во владение, для колдовства...

...И – выдохнуть. Отойти на шаг от удивительного цикла стихотворений Тали, который – одно стихотворение и одна жизнь. И ждать продолжения – ведь жизнь

Вадим ГЕРМАН. "После свистка...". Встреча третья.

Автор: После свистка
07.08.2014 13:15

продолжается, рыжее чудо растёт, и маме надо все рассказать. Рассказать, чтобы потом, когда-нибудь, для дочки стали понятны мамины слова, строчки, ночные слезы, рубцы и зарубки...

Спасибо, что перечитали стихотворения вместе со мной.

До новых – скорых – встреч!

Ваш **Герман.**

Читать еще:

["После свистка". Встреча первая. " О конкурсных подборках Олега ПАРШЕВА, Светланы ДИЛЬДИНОЙ и Вадима СМОЛЯКА".](#)

["После свистка". Встреча вторая. " О конкурсных подборках Сергея СМИРНОВА, Александры СНЕГ и Алины СЕРЕГИНОЙ "](#)
[":](#)

Вадим ГЕРМАН. "После свистка...". Встреча третья.

Автор: После свистка
07.08.2014 13:15
